

приятие исторического процесса, характерное для XX века. Достаточно вспомнить знаменитую школу «Анналов», сложившуюся во Франции как раз в пору наивысшего творческого подъема Бунина. «Структуры повседневности» Ф. Броделя восстанавливают историческую эпоху практически теми же средствами, что и «Жизнь Арсеньева» или «Чистый понедельник», — через подробности быта и повседневной психики. Подобное типологическое средство побуждает усомниться в ходячем суждении о Бунине как об авторе «в прошедшем веке запоздалом».

Вывод В. Линкова заключается в следующем: мировоззрение Бунина находится в конфронтации с классической прозой «критического реализма»; при этом писатели XIX века представляли собой коллектив единомышленников, а Бунин был в своей эпохе абсолютно одинок (с. 171). Не касаясь весьма спорного вопроса о единомыслии реалистов прошлого столетия, обратимся к поискам авторов, солидарных с Буниным. Вопреки В. Линкову, наличие таковых бросается в глаза. Отчасти уже говорилось о родстве бунинского мировосприятия с мыслями ряда философов. Порой совпадения такого рода оказываются почти дословными. Например, в «Окаянных днях» писатель обвиняет литературу «критического реализма» в том, что она «сто лет позорила буквально все классы, то есть «попа», «обывателя», мещанина, чиновника, полицейского, помещика, зажиточного крестьянина, — словом, вся и всех, за исключением какого-то «народа», — безлошадного, конечно...», и тем самым сформировала разрушительно-революционное общественное мнение⁷. Ту же самую мысль встречаем в статье В. Розанова «Таинственные соотношения»: «После того как были прокляты помещики у Гоголя и Гончарова («Обломов»), администрация у Щедрина («Господа Ташкентцы»), история («История одного города»), купцы у Островского, духовенство у Лескова («Мелочи архиерейской жизни») и, наконец, вот самая семья у Тургенева... русскому человеку не осталось ничего любить... Отсюда и произошла революция»⁸.

Но наиболее близкими Бунину фигурами представляются его соотечественники по изгнанию Б. Зайцев и И. Шмелев. Несмотря на несходство стилей, эти писатели объединены общим направлением творческой эволюции. Начинали все трое как продолжатели «критического реализма», отдав дань обличительным мотивам («Деревня» и «Господин из Сан-Франциско» Бунина, «Человек из ресторана» и «Гражданин Уклеikin» Шмелева, «Черные ветры» и «Густя» Зайцева). Затем каждый из них пережил и в публицистической форме выразил опыт революции и гражданской войны, причем во всех основных аспектах позиции авторов здесь совпадают («Окаянные дни» и «Миссия...» Бунина, «Солнце мертвых» и «Душа России» Шмелева, «Мы, военные...» и «Офицеры. 1917» Зайцева). В этот переломный период названные

⁷ И. А. Б у н и н, Окаянные дни, М., 1990, с. 50.

⁸ В. В. Р о з а н о в, Несовместимые контрасты жития. Литературно-эстетические работы разных лет, М., 1990, с. 34.